

Ежи В. Борейша

К истории польского вопроса в XIX–XX веках

*Текст доклада, прочитанного на XVI Конгрессе
польских историков во Вроцлаве в сентябре 1999 года*

Для историка XIX в. «польский вопрос» является ключом к пониманию истории разделенной Речи Посполитой в период между 1795 и 1918 годами. Для среднего поляка это понятие довольно расплывчатое, позволяющее вкладывать в него самые различные смыслы. Его временные границы не вполне ясны. Даже для студентов гуманитарных институтов зачастую это определение из далекого прошлого, не вызывающее ни особых эмоций, ни интереса.

Эмоции и пафос, звучащие в словах «польский вопрос» для многих поколений поляков с конца XVIII в. до середины минувшего столетия, как может показаться, уже принадлежат прошлому.

В XIX столетии глашатаи и сторонники идеи Соединенных Штатов Европы были лишь маргинальной группой утопистов. На пороге XXI в. – благодаря расширяющемуся Европейскому Союзу – эта идея становится действительностью нашего континента.

В условиях старой Европы на ее окраинах сохранились такие национальные проблемы, как ирландская, баскская или корсиканская. Не кончаются распри, конфликты и войны на Балканском полуострове. Однако важнейшие вопросы национального единства и национальной независимости в Европе – немецкий, итальянский и польский – считаются закрытыми.

Реальность Европейского Союза все более очевидно обнаруживает приоритет экономических и культурных вопросов перед политическими. Мы намного охотнее подчеркиваем в

современной Европе сходства и связи, нежели противоречия и антагонизм.

Кого и когда объединял и разделял «польский вопрос»? Относить ли первоначальный смысл этого понятия ко всему XIX в. или, может быть, к более чем двум столетиям, начиная с III раздела Польши? Говоря о «польском вопросе», не преувеличиваем ли мы его исторического значения, глядя со своей колокольни? Когда играл он первостепенную, узловую роль в европейских взаимоотношениях, а когда менее существенную? Какие обстоятельства и на как долго возвращали «польский вопрос» к жизни? Отдаем ли мы себе отчет в том, кто, кроме самих поляков, и из каких побуждений продвигал этот вопрос на международной арене? Всегда ли «польский вопрос» был синонимом прогресса и европейских революций?

Сто пятьдесят лет назад князь Адам Чарторьски писал в инструкции для Кароля Марцинковского, что нельзя «отступить от Дела». Более ста лет тому назад поляки говорили просто «Дело». Когда молодой социалист Витольд Йодко-Наркевич обратился к отцу, зажиточному помещику, за «деньгами на Дело», тот не спрашивал, на какое. Было очевидным, что сыну нужны средства для подпольной борьбы против захватнической власти. «Дело» – это значило «польское дело», борьба за независимость, как легальная, так и нелегальная, путем национальных восстаний или социальных революций, но неизменно против царей и императоров.

Родившийся в 1898 г. Хенрик Верещицки, историк и солдат Первой Бригады Легионов, отмечал, что понятие «польский вопрос» можно наполнить различным содержанием. Он писал: «Польский вопрос в XIX веке – многозначное понятие. Можно, например, понимать его как проблему независимости Польши в общем или как стремление поляков вновь обрести свое государство (...) Однако наиболее распространенным и популярным в XIX веке было понимание польского вопроса как проблемы, которая влияла на международные отношения, следовательно, являлась вопросом международной политики, в особенности, дипломатических отношений между европейскими державами». И добавлял, что польский вопрос можно также рассматривать как «влияние польских устремлений к независимости на международные отношения»¹.

¹ H. Wereszycki, *Sprawa polska w XIX wieku, // Polska XIX wieku* (red. S. Kieniewicz), Warszawa 1982, s. 121-122.

Sprawa polska – «польский вопрос» (*polnische Frage* – *Polish question* – *question polonaise*) – это было фундаментальное понятие в словаре дипломатов XIX в. Сегодня даже польские энциклопедии, в которых можно встретить упоминание о «польском вопросе», – большая редкость. Наиболее последовательными остались немцы. Польские события с 1772 года по 1945 они объединяют в одно целое – по аналогии с объединением Германии в XIX в., т.е. немецким вопросом, который в ходе истории вновь оказался на повестке дня после 1945 г. Позже, однако, в отличие от «немецкого вопроса», они не считают «польский вопрос» узловым в международных отношениях.

К немногим изданным у нас за последнее время книгам, в которых можно найти выражение „польский вопрос“, принадлежит «Школьный словарь истории Польши после разделов 1795–1918» Ежи Скворнека и Богдана Сноха. Там написано: «польский вопрос – определение, которое охватывает самые разные действия политиков и общественности других стран, предпринимаемые в целях изменения политической ситуации польского народа, а также инициативы патриотов, направленные на то, чтобы побудить политиков и общественное мнение других стран к поддержке поляков в их стремлении к пересмотру вопроса разделов Речи Посполитой. Это определение охватывает события во время разделов (1772–1795), но прежде всего в эпоху после разделов (1795–1918) и во время Второй мировой войны (1939–1945). Началом действий в «польском деле» следует считать в определенной степени Барскую конфедерацию (1768–1772) и восстание Костюшко 1794 года»².

Во многих классических интерпретациях наших историков польский вопрос ограничивается временными рамками 1795–1919/1921 – от III раздела, падения Первой Речи Посполитой, до формирования границ Второй Речи Посполитой. Так делает, например, Чеслав Хованец в обширном, опубликованном по-французски очерке *La question polonaise 1796–1921*³. Однако, в отличие от авторов, связывающих возникновение польского вопроса с разделами, Хованец делает особый упор на наполеоновскую эпоху. Он пишет, что польский вопрос родился в «огне наполеоновских войн», что действия Наполеона I заставили царя Александра I взяться за решение польского

² J. Skowronek, B. Snoch, *Szkolny słownik historii Polski, losy porozbiorowe 1795–1918*, Warszawa 1997, s. 126.

³ См. *L'Europe du XIXe et du XXe siècle*, Milano 1967, vol. VII, p. 181–231.

вопроса и содействовать принятию постановлений на Венском конгрессе. С подобной точкой зрения можно встретиться в статье известного немецкого историка, специалиста по XIX в., Теодора Шидера *Die deutsche Frage*, помещенной в энциклопедическом словаре Мейера. Шидер утверждает, что польский вопрос так же, как ирландский, появился в XIX в., ибо «созревшее чувство национальной общности не приобрело очертаний внутренней и внешней свободы в виде независимого государственного быта»⁴. Немецкие энциклопедии Брокгауза и Мейера представляют «*polnische Frage*» как проблему, существующую со времен разделов до 1945 г. В обеих энциклопедиях подчеркивается, что возрождение польского государства в 1918 г. должно было, казалось, разрешить польский вопрос, но «территориальная экспансия Польши, продолжавшаяся вплоть до 1922 года, накапливала новый огнеопасный материал»⁵.

1945 год в 17-ом томе энциклопедии Брокгауза (1992) интерпретируется как дата очередного освобождения польского государства, «при этом территориальные потери Польши на Востоке (в пользу СССР) компенсировались территориями на Западе до линии Одера и Нысы»⁶.

Подобные мнения можно услышать в высказываниях украинских и литовских историков. Для них Польша после 1918 г. – это агрессор. Разница, однако, состоит в том, что немецкие ученые занимают определенную позицию по отношению к действиям собственного государства – захватчика Польши, а украинцы и литовцы защищают правоту народов, поработенных или притесняемых Первой и Второй Речью Посполитой.⁷

«Польский вопрос» – это, в нашем понимании, роль, которую в международных отношениях играли проблемы государственного статуса и границ польских земель, их автономии, ограниченного суверенитета или полной независимости. Например, Польское Королевство и Краковская Речь Посполитая, созданные в 1815 г. на Венском конгрессе, не были независимыми, тем не менее довольно долго оставались одним из

⁴ Ср. Т. Schieder, *Sprawa niemiecka, // Po upadku Trzeciej Rzeszy. Niemieccy intelektualisci a tradycja narodowa* (red. J.W. Borejsza, S.H. Kaszyński), Warszawa 1981, s. 335.

⁵ *Brockhaus Encyklopedie*, Mannheim 1992, t. 17.

⁶ Там же.

⁷ Ср. , напр.: *Історія України* (під ред. В.А. Смолія), Київ 1997, а также статья *polonization* в „*Encyclopedia Lituanica*”, 1975, vol. IV, С. 315–319.

постоянных субъектов европейской политики на основании первоначальных гарантий пяти держав. Тогда как Польская Речь Посполитая (с 1952 г. – Польская Народная Республика) после Ялты и Потсдама таким субъектом не являлась, будучи государством с ограниченным суверенитетом, с молчаливого международного согласия зависимым исключительно от одной державы. Следовательно, можно сказать, что западные союзники изменили «польскому делу» в 1945 году?

Вопрос независимости Польши в течение многих десятилетий – не только после Второй мировой войны, но и в конце XIX в. – был прежде всего внутренней проблемой населения польских земель, а не проблемой международной. Нельзя сказать, что польский вопрос в эти периоды имел европейское значение. Участие общественного мнения других стран в защите гражданских прав поляков и независимости Польши чаще всего не отражалось на действиях дипломатов и правительств.

За польское дело, хоть и понимаемое по-разному, боролось большинство политических организаций, группировок и партий в XIX и XX вв. Для общества, которое, начиная с III раздела в 1795 г. и до конца XX в., вкусило около тридцати лет свободы и не слишком долгих лет ограниченной суверенности и главным образом находилось в оккупации и под национальным гнетом, вопрос независимости страны, польский вопрос, стал не только основной национальной целью, но и национальной навязчивой идеей, особенно в образованных кругах. Причем часто идеей, совершенно оторванной от действительности, утопической. Скольких же поляков эта навязчивая идея лишала способности рационально мыслить! Как в XIX, так и XX веке многие польские политики, вместо того чтобы рассматривать польский вопрос в категориях государственных интересов возможных союзников – Франции, Великобритании или США, ссылались на моральные обязательства и моральный долг Европы перед Польшей. Поэтому, как вспоминает Норман Дейвис, после 1918 г. французский премьер-министр Аристид Бриан называл Польшу «ревматизмом Европы», а в конце Второй мировой войны Франклин Делано Рузвельт говорил о Польше как о «мигрени мира».

Поляки любили цитировать слова Рузвельта из официальной телеграммы президенту Владыславу Рачкевичу в июле 1941 г., что их борьба во время Второй мировой войны была «вдохновением народов». В коллективных представлениях, однако, не оказалось места для резких критических

высказываний Рузвельта о «Польше, которая больше пяти веков была источником хлопот»⁸.

Польской элите на протяжении последних двух столетий часто казалось, что польский вопрос является одной из основных проблем международных отношений. Так ли это и насколько это обоснованно?

Правильно ли считали поляки, что восстания 1830, 1846, 1848 и 1863 годов повлияли на судьбу польского вопроса? Несомненно. Но с близкой перспективы события виделись совсем не такими, как сегодня – спустя столетия. В восприятии поляков эта проблема всегда, как и полагается, выглядела иначе, чем в восприятии иностранцев. Ноябрьское восстание непосредственно повлияло на изменение международного статуса Франции и Бельгии, при этом сильно ухудшило условия жизни поляков на аннексированных Россией польских территориях. Январским восстанием как переломным моментом в борьбе за объединение Германии незамедлительно воспользовался Бисмарк; вскоре после 1864 г. польский вопрос в европейских отношениях был похоронен на полвека.

Польские проблемы имели первостепенное значение на Венском конгрессе 1814-1815 гг. и Версальской конференции 1919 г. Но были подспудным, скрытым течением кулуарной политики на Парижском конгрессе в 1856 г., который завершил Крымскую войну, и на Берлинском конгрессе 1878 г. после русско-турецкой войны, где польский вопрос открыто не прозвучал.

Спор о том, было ли варшавское восстание неизбежным и целесообразным, продолжается до сих пор. Без малого шестьдесят лет все те же историки и участники событий 1944 г. полемизируют на эту тему, меняя свои прежние взгляды и оценки – от безусловной и безжалостной критики политиков и предводителей восстания вплоть до безоговорочной героизации. Эммануил Ростворовски незадолго до своей смерти писал: «польский культ безнадежных восстаний не был хорошей школой политического мышления в категориях возможного»⁹. Однако, культ «безнадежных восстаний» в польских условиях часто становится весомым элементом политической игры, использованным полвека или столетие спустя в

⁸ Cp. P.S. Wandycz, *Poland in World History: inspiration or trouble-maker*, Cross Currents 5 (1986). *A Yearbook of Central European Culture*, p. 195.

⁹ E.M. Rostworowski, *Popioły i korzenie. Szkice historyczne i rodzinne*, Kraków 1985, s. 194

качестве обвинения против бывшего немецкого или русского оккупанта. И одновременно косвенным образом оправдывает выбор времени, места и форм борьбы в прошлом.

Нельзя не согласиться с Ростворовским в том, что «Польское „вооруженное выступление“ бывало рациональным с военной точки зрения лишь тогда, когда становилось вкладом в общеевропейскую борьбу. Не все великие шансы принесли осуществление надежд; тем не менее, большим шансом и рациональными с военной точки зрения действиями представляются мне как борьба поляков в союзе с наполеоновской империей, так и поход легионеров плечом к плечу с Австро-Венгрией, а также продолжение солдатами Сентября войны вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции. Тогда как одинокую борьбу польских повстанцев XIX в. с захватчиками (а если только с одним из них, то возможные успехи поляков сплотили бы остальных агрессоров) я считаю совершенно безнадежной с военной точки зрения»¹⁰.

Традиции народа, живущего в центре континентальной Европы, на перекрестке многих стратегических путей, привели к тому, что поляки привыкли к военным формам борьбы. Но обязательно ли они должны были стать основными формами борьбы за независимость? Чешский народ столетиями оказывал пассивное сопротивление, финны в XIX в. не хватались за оружие, не видя ни малейших шансов в войне с Россией. Но когда на них напали и они оказались в безвыходном положении зимой 1939-1940, они сражались с самоотверженностью и мужеством, достойными древних греков. В XX в. они старались воспользоваться международной конъюнктурой. Румынской традицией были неустанные дипломатические усилия. Польской – восстания. Так, Ростворовски спрашивает о цене этих восстаний, намеренно подчеркивая отрицательные последствия: «Барская конфедерация – первый раздел; национально-освободительный порыв Великого сейма – второй раздел; восстание Костюшко – третий раздел; ноябрьское восстание – ликвидация конституционного и автономного Королевства Польского, а также конфискация имений на территории Королевства и захваченных землях; краковское восстание 1846 – ликвидация последнего реликта автономной польской государственности, каким оставалась после Венского конгресса Краковская Речь Посполитая; январское восстание –

¹⁰ Там же. – С. 193.

ликвидация в Царстве Польском польской администрации и польских учебных заведений, восстанавливаемых Александром Велепольским, а также последующие конфискации имений и упразднение монашеских орденов на аннексированных Россией территориях»¹¹. Добавим к этому вопрос: не повлияло ли решающим образом трагическое январское восстание на замедление темпа экономического и общественного развития Польши под российским господством?

В исторической памяти народа ярче всего запечатлелась лестная слава: Польша – оплот христианства, поляки – рыцари свободы (XIX в.), поляки – птицы, предвещающие революционные бури – „Sturmvoegel der Revolution“ (XIX в.), поляки – защитники Европы от угрозы большевизма (1920), поляки – те, кто внес решающий вклад в свержение коммунизма и восстановление независимости народов Восточной Европы (1980-1989). Это были непостоянные и противоречивые мнения, но всегда воспринимаемые как положительная оценка польских достижений. На позицию польского вопроса в международной политике смотрели глазами предков эпохи разделов, глазами тех дедов и прадедов, которые составляли элиту национально-освободительного движения. Неблагоприятной – на протяжении более ста лет – международной конъюнктуре они противопоставляли утопическую, отчаянную веру в то, что Польша должна возродиться, противопоставляли конспиративную борьбу, вооруженные усилия и восстания в практически безнадежных условиях. Действия этой немногочисленной и одинокой элиты не были тщетны, они способствовали, в первую очередь, великому подъему национального самосознания. И вместе с тем они порождали в польском обществе сильно преувеличенное восприятие польского вопроса и поддерживали национальную мегаломанию.

Нельзя не задуматься над тем, что Ян Новак-Езераньски, историческая личность, свидетель двадцатого столетия, писал в январе 2000 года: «Несмотря на мизерный экономический и оборонный потенциал, Польша в уходящем веке трижды повлияла на судьбы мира: во-первых – спасла Европу в 1920 г. от большевистского потопа. Во-вторых – заставила союзников объявить войну гитлеровской Германии, оказывая в 1939 г. сопротивление сокрушительному натиску врага. И в-третьих –

¹¹ Там же.

когда победа «Солидарности» вызвала цепную реакцию событий, приведших к окончанию холодной войны».

В 1956 г. писатель и этнолог Станислав Винценз так объяснял своему французскому другу Полю Казену – известнейшему на берегах Сены переводчику польской литературы – значение «польского вопроса» для людей, живущих на берегах Вислы, Варты или Буга:

«Французская Академия учредила премию за лучшую монографию о слоне.

Англичанин поехал для начала в Африку, потом в Индию, несколько лет охотился на слонов, приручал молодых и в конце концов написал маленькую брошюрку: *The chase on elephants*.

Немец никуда не поехал, закрылся в библиотеке на долгие годы и написал трехтомный труд *Der Elephant, sein Wesen, sein weltgeschichtliche Bedeutung*.

Француз был поглощен правительственным кризисом и незадолго до истечения срока пошел в Булонский лес полюбоваться весенними проказами слонов и написал *L'éléphant et l'amour*.

А поляк никуда не ходил, никуда не ездил, ничего не читал, лишь напряженно размышляя обо всем и о том, что было, если бы он написал произведение *Słoń a sprawa polska*¹².

Длинная борода у этого анекдота. Считается, что он появился еще в XIX в., а популяризировал его Стефан Жеромски в романе *Канун весны* (1925). Некоторые приписывают его авторство известному датскому критику и литературоведу Георгу Брандесу, другу Польши, который в конце XIX в. писал о Польше и польской поэзии. Так или иначе, этот анекдот иронически подчеркивал то обстоятельство, что в течение долгого столетия национальной неволи поляки во всех событиях и проблемах видели связь с польской борьбой за независимость. Позже, в XIX в. и по сей день, этот анекдот вспоминают в тех случаях, когда роль Польши и поляков во всемирной истории преувеличивается. Его вспоминают все реже, и это знамение времени, а также результат процесса взаимного сближения большинства европейских государств и народов. Издатели «Словаря польских исторических крылатых выражений» отмечают, что поговорка «слон и польский вопрос» очень напоминает распространенное в Швеции и подобное по смыслу выражение «слон и Карл XII»¹³.

¹² Muzeum Literatury w Warszawie, 3850, vol. 12.

¹³ M. Wilamowski, K. Wnęk, L.A. Zyblikiewicz, *Leksykon polskich powiedzeń historycznych*, Kraków 1998, s. 138-139

Норман Дейвис так комментирует анекдот про «слона и польский вопрос»: «Если в истории современной Европы вообще и упоминается Польша, то, как правило, в связи с одной-единственной темой, которая занимала умы политиков описываемой эпохи, – с «польским вопросом». Эта тема, как и родственная ей «восточный вопрос», на протяжении двух минувших столетий появлялась в программах бесчисленных конференций и во всех сборниках экзаменационных вопросов для студентов. Также и в умах поляков она занимала почетное место. В очень старом анекдоте из репертуара послов кандидат из Польши, участвующий в международном конкурсе на лучшее эссе о слонах, собирался представить исследование под названием *Слон и польский вопрос*. (...) Для дипломатов, да и для тех, кто снабжал их информацией, судьба бывших польских земель была немаловажной. Во время каждой из крупных войн, происходивших на европейском континенте, территория, разделенная между захватчиками Польши, становилась районом действительного или потенциального нарушения стабильности, окончательная судьба которого постоянно оспаривалась»¹⁴.

Дейвис, пожалуй, слишком категорично утверждает, что немногие меморандумы по польскому вопросу повлияли на ход событий, а польский народ ничем не обязан дипломатам. А, может быть, он все же хоть чем-то да обязан, например, Томасу Вудро Вильсону или Жоржу Клемансо?

Однако трудно возразить английскому историку, когда он пишет: «Польский вопрос, само собой, стал основным предметом интереса политических эмигрантов, которым уже нечего было терять и к которым присоединился широкий веер европейских либералов, всегда готовых совершить дешевый крестовый поход в какой-нибудь отдаленный уголок мира. „Польша“ стала символом фрустрации других людей. (...) Она притягивала многочисленные толпы доброжелателей, но лишь немногие из них поддерживали ее делом»¹⁵.

Английский историк растягивает значение польского вопроса на два столетия и сравнивает его, как уже до него делали очень многие, с «восточным вопросом».

Статьи «польский вопрос» не существует в современных польских энциклопедиях. В «Большой всеобщей энцикло-

¹⁴ N. Davies, *Boże Igrzysko. Historia Polski*, Warszawa 1999, s. 521–522.

¹⁵ Там же. – С. 539.

педии» (изд. PWN, 1967) можно зато найти словарную статью «восточный вопрос»: «*Sprawa wschodnia*, англ. *Eastern Question*, франц. *Question d'Orient*, русс. *Восточный вопрос*, условное название международных противоречий с конца XVIII века до начала XX, возникших в связи с наметившимся распадом турецкой империи и борьбой между державами: Австрией (позже Австро-Венгрия), Англией, Пруссией (с 1871 года Германия), Россией и Францией за ее земли, прежде всего, за европейские владения. Термин «в. в.» впервые появляется на конгрессе Священного союза в Вероне (1822)»¹⁶. Энциклопедическую статью «восточный вопрос» завершает перечисление трактатов, заключенных после Первой мировой войны, которые скрепили раздел Османской империи и образование Турции в границах, приближенных к этническим. Статья повторяется в „Новой всеобщей энциклопедии“ (изд. PWN, 1996). «Польский вопрос» и здесь отсутствует.

О польском вопросе как проблеме девятнадцатого столетия в прежние времена рассуждали почти все польские историки, начиная с Шимона Аскенази, Марцеля Гандельсмана до Мариана Кукеля, Хенрика Верещицкого или Чеслава Хованьца. После 1945 г. все исторические исследования, которые могли вызвать хотя бы отдаленные ассоциации ПНР с судьбой польских земель под господством царской России или показать настоящие польско-советские взаимоотношения, были запрещены. Это мало способствовало рассмотрению польского вопроса как проблемы, значение которой охватывает без малого два столетия. Не способствовало это и размышлениям над тем, когда вопрос независимости одной из средних европейских стран в глобализирующемся мире утратил свое прежнее значение.

В то же время многочисленные монографии в Польской Народной Республике посвящались поддержке «польского дела» европейским общественным мнением в XIX в., в особенности левыми группировками и социалистическими деятелями. И хотя значение этой поддержки не раз преувеличивалось и искажалось, однако было найдено множество ранее неизвестных документов об отношении европейского общественного мнения к польской национально-освободительной борьбе. Это мнение не могло не влиять на позицию правительств того времени. Однако дипломатические ноты Парижа или Лондона

¹⁶ Wielka Encyklopedia Powszechna, Warszawa 1967, t. 10, s. 726-727.

чрезвычайно редко приводили к положительным для польского народа последствиям, хотя косвенно и оказывали определенное влияние, усиливая бдительность в отношении польских стремлений к независимости, тем самым не давая польскому вопросу иссякнуть.

Жизнеспособность «польского вопроса» определялась не только неустанной борьбой поляков «за вашу и нашу свободу», но и их военными действиями в армиях Наполеона I, завоевывающих Испанию и Россию, и, позже, их участием в различных войнах в качестве кондотьеров. В каждом европейском конфликте, от Наполеона I до Михаила Горбачева, – в большей или меньшей мере обоснованно – учитывалась вероятность польских восстаний, польского вооруженного участия в конфликтах, воинственность польского солдата.

Генри Киссинджер, рассказывая в своей «Дипломатии» об октябре 1956 г., выразился лапидарно: «Советский Союз отстранился и позволил, чтобы в Польше правил национальный коммунизм. Он поступил так, поскольку репрессии означали бы расправу над 30-миллионным народом, известная всем отвага которого и воля к сопротивлению чужеземной агрессии были многократно усилены памятью о российском гнете и советской жестокости»¹⁷. Но Киссинджер тут же добавляет, что в 1956 г. важнее было то, что «еще более грозный вызов Кремлю бросила Венгрия». Пишущие же о событиях 1939 г. историки большее, как правило, значение придают войне против Финляндии, начатой СССР 30 ноября, чем вторжению Красной армии в Польшу 17 сентября.

Итак, когда же все-таки польский вопрос на протяжении XIX и XX вв. был узловой, первостепенной проблемой в европейских отношениях? Оговоримся – первостепенной проблемой не с субъективной точки зрения поляков из Варшавы, Кракова, Львова, Познани или Вильно.

Когда на очередном съезде польских историков в 1900 г. Шимон Аскенази представил план исследований по польскому вопросу, начатых его школой, этот план встретился со всеобщим одобрением. Благодаря его школе были написаны десятки ценнейших монографий. Однако, как оказалось из перспективы 2000 г., среди них нет ни одной, дающей обобщенный анализ «польского вопроса» в XIX-XX столетиях.

¹⁷ H. Kissinger, *Dyplomacja*, Warszawa 1996, s. 607.

Многие сегодня ошибочно полагают, что исследование польского вопроса сводится к банальности типа «слон и польский вопрос», поскольку все уже давно всё об этом знают, а сама проблематика устарела. Бесконечное выпячивание истории польского мученичества и польского значения историками различных ориентаций, часто в целях достижения непосредственного эффекта в политике, привело к тому, что эта тематика набила оскомину. Парадоксально, но немецкие и английские исследователи, смотрящие из своего далека, более склонны к обобщенному представлению вопроса, чем сами поляки.

25 июля 1935 г. Владыслав Сикорски в письме тому же Полю Казену, французскому другу Польши, писал, что история «преподала нам, полякам, слишком кровавые уроки, чтоб мы могли с легкостью забыть их и чтоб идеи и собственные желания мы могли бы сегодня принять за действительные факты. А разве эти последние не подтверждают даже чересчур убедительно, что история любит повторяться?»¹⁸. Когда в годы войны Сикорски встал во главе правительства, ему пришлось на деле убедиться, насколько в повторяющейся истории польского вопроса его мнения расходились с мнениями великих союзников. Повторяемость польского вопроса как предмета международных споров велит нам даже в столь благоприятные для нас мирные периоды, как сейчас, не забывать уроков прошлого.

Следовательно, весьма небесполезно исследовать значение польского вопроса в XIX в., да и потом повнимательней присмотреться к периодам, когда он исчезал на целых полвека с мировой сцены. В годы Второй мировой войны, в 1944, 1956 и 1981 годах память польских восстаний, память о польских солдатах и партизанах, о «польском вопросе» отзывалась сильным эхом. Эту историческую память мы видим в распоряжениях Генриха Гимmlера, изучавшего опыт восстания 1863 г. в преддверии возможной войны с польскими партизанами или в напоминающих пропаганду времен разделов и аннексий высказываниях Вячеслава Молотова о «поляках – никудышном народе», в реакциях Никиты Хрущева или Леонида Брежнева.

Польский вопрос в XIX в. долго воспринимался как вопрос возрождения Польши в границах до 1772 г., представляя тем

¹⁸ Письмо к Полю Казену (Muzeum Literatury w Warszawie, 3850).

самым опасностью для трех континентальных держав: России, Австрии и Пруссии-Германии.

Польский вопрос был в некотором смысле исключительной и уникальной проблемой в новейшей европейской истории. Уникальным явлением была ликвидация на более чем сто лет обширного европейского государства, расположенного к тому же в самом сердце континента. Исключительной была в Европе ситуация народа, терзаемого тремя захватчиками. Греки, венгры, чехи или ожидающие по сей день окончательного разрешения своих проблем ирландцы имели дело с одним только агрессором. В более близкой ситуации находились, пожалуй, только румыны и сербы, зависимые одновременно от Османской империи и габсбургской Австрии. Как писал Хенрик Верещицки: «Завоевание независимости поляками, сбросившими российское иго, не решало международной проблемы. Восстановление независимой Польши самым существенным образом меняло международный европейский расклад. В некотором смысле то же самое относится к вопросу независимости южных славян, а также румын»¹⁹. Но и здесь аналогии могут быть только частичными. Географический и хронологический контексты чрезвычайно важны, и я не рискнул бы сравнивать ситуацию поляков и, например, армян, процесс разделения которых между соседствующими Турцией, Персией и Россией и рассеяния по всему миру длился несколько столетий, был следствием разных событий и проходил поэтапно²⁰.

С 1848 г. одним из главных прогрессивных и революционных лозунгов был «принцип народности», право каждого народа на независимое существование. Политическая программа «Весны народов» провозглашала «объединение Италии и Германии, независимость Польши и Венгрии». Однако дальнейшее распространение патриотических и националистических лозунгов способствовало тому, что по мере формирования литовского и украинского народов идея возрождения Польши в границах до 1772 г. становилась анахронизмом. Планы воссоздания польско-литовской унии, о которой в конце Первой мировой войны грезил поляки, свидетельствовали об отсутствии чувства реальности.

¹⁹ H. Wereszycki, *Sprawa polska w XIX wieku*, s. 144.

²⁰ Cp. M. Kula, *Różne narody wybijały się na niepodległość, // 1918, 1944/45, 1989. Do niepodległości. Wzjęcie – drogi spełnienia*, Warszawa 1998, s. 285-310.

Не были ли Томас Вудро Вильсон с одной стороны, а Владимир Ленин с другой в своих декларациях во время войны 1914–1918 гг. о праве народов на самоопределение, об их праве на собственное государство, своеобразными продолжателями «Весны народов»? Польский вопрос не исчезает после Первой мировой войны, но меняется его суть. Германия и Россия, великие, но проигравшие соседи, видят в Польше «сезонное государство» (Saisonstaat) или, по словам Молотова, «уродливого детища Версальского договора»; или «буферное государство», форпост Запада в борьбе с русской революцией, часть «санитарного кордона» против СССР, важного участника антибольшевистского крестового похода. В 1920 г. мнения в Европе резко разделились в оценке возрожденного польского государства. Преемники давних захватчиков Польши – Веймарская Республика, а позже Третий Рейх и Советский Союз, – представляют Польшу как переходное образование, угнетающее национальные меньшинства. Не только у них, но и у значительной части французского и английского общественного мнения независимость Польши перестает ассоциироваться с демократией, революцией или прогрессом. Подобное восприятие меняет Вторая мировая война, 1956, 1981 и 1989 годы. Во второй половине XX в. польский вопрос, как критерий борьбы за демократию, нет-нет да и выльется вновь в международных отношениях.

Пакт Молотова-Риббентропа 1939 г. с самого начала был окрещен «четвертым разделом» Польши. Однако после III раздела поляки ждали целых 119 лет, пока начнется война между захватчиками, а после четвертого – не прошло и двух лет. Если три феодальные монархии, которые делили Польшу между собой, роднила общность идеологий и систем правления, то в случае Третьего Рейха и СССР можно говорить об общности систем, а не идеологий. После 1939 г. поляки снова полвека ждали полной независимости, которую на этот раз получили не вследствие войны, а в результате внутреннего краха общественно-политической системы великого империалистического соседа, чему и сами немало способствовали. При всех изменениях содержания и значения польского вопроса только одно не изменилось на протяжении двух столетий: независимость и сила и, одновременно, небытие, слабость или зависимость польского государства в течение двух столетий были показателем державной позиции российского соседа в Европе. Хотя и имеющим гораздо большее значение до 1945 г.,

чем после. Для Петербурга в XIX в. в лозунге «исторической Польши» неизменно звучала угроза «отодвигания» России от Европы до границ с Польшей перед 1772 г.

Пропаганда российских и немецких захватчиков создала образ поляков-военных подстрекателей, поджигателей Европы. Поджигателей даже в буквальном смысле. Когда тысячи ссыльных после январского восстания отправляли в Сибирь, российские власти распускали слухи, что поляки, идя по этапу, поджигают дома. Это отбивало у людей желание помогать полякам, усиливало враждебное к ним отношение и великорусский шовинизм.

За несколько столетий разделов и оккупации Польши у соседних держав вошло в традицию решать польские проблемы за спиной у поляков. Эта традиция еще не отошла в историю. Внимательное наблюдение за политическими действиями польских эмигрантов в Париже, Лондоне или Ватикане, а потом и в Вашингтоне – также является старой традицией как в России, так и в Германии.

Мы не поймем определения «Великая эмиграция», относящегося к десяти тысячам политических эмигрантов, если не вспомним о бесчисленных, зачастую весьма путаных докладах русских и австрийских дипломатов и полицейских агентов в XIX в. (с тридцатых по пятидесятые годы) о каждом хотя бы немного более политически активном поляке, который оказался за пределами стран-захватчиков. Их опасались как потенциальных командиров и офицеров иностранных армий, как советников французского, английского или турецкого правительств, как разведчиков на чужой службе, как участников бунтов, восстаний, государственных переворотов или революций, которые могли сотрясти основы европейского монархического порядка. Эти опасения были небеспричинны. Насколько же обоснованно можно говорить о преемственной роли польской политической эмиграции в XIX и XX веках?

То, за что поляков прославляли вожди республиканской и революционной Европы – Джузеппе Мазини, Джузеппе Гарибальди, Лайош Кошут, Виктор Гюго, Карл Маркс и Александр Герцен, – было источником неукротимой враждебности со стороны государственного аппарата насилия Николая I и Александра II, Меттерниха и Бисмарка. Традиции критического и враждебного отношения к Польше во Франции имели столь же долгую родословную, что и традиции доброжелательности. У истоков этой антипольской позиции мы найдем, в

частности, Вольтера – корреспондента и поклонника Екатерины II и Фридриха II. У Бальзака есть не только лестные слова о поляках. В *Кузине Бетте* муж Эвелины Ганьской вкладывает следующие слова в уста своих героев: «(...) эти поляки! да это прохвосты... люди без чести и веры.

– Люди, желающие разжечь огонь в Европе, – добавил пацифист Риве, – подорвать торговлю и разорить торговцев для какой-то «отчизны», которая, кажется, представляет собой одно большое болото, где живут отвратительные евреи, не считая казаков и мужиков, род дикого скота, по ошибке причисленный к человеческого роду. Эти поляки не понимают духа эпохи. Мы уже не варвары! Война (...) уже изжила себя (...)»²¹.

На Вольтера ссылались многие представители и правой и левой французской политической мысли, выступавшие против поддержки Польши. Как, например, известный правый писатель Поль Леото (1872-1956), который с неизменной настойчивостью полвека призывал остерегаться поляков, которым «нельзя давать спички», иначе подожгут Европу. В своем «Литературном журнале» („*Journal Littéraire*“) 23 сентября 1930 г. он писал: «Поляки при первой же возможности *подложат огонь под* Европу, поощряемые договором, который связал нас с их делом»²². Эммануил Берль (1892-1976) незадолго до смерти в интервью с Патриком Модiano, говоря о событиях 1939 года, высказал свое отношение к Польше таким образом: «Вольтер сказал, что приличная девушка может быть изнасилована три раза, но если это происходит больше трех раз, то это уже становится подозрительным. Польшу разделяли больше трех раз. Ее делили слишком часто. Нельзя сказать, чтобы это был такой же народ, как любой другой»²³.

В своих собственных глазах поляки, как правило, были особенным, избранным, единственным, мученическим народом. Они считали, что польские земли, бывшие побоищем и пожарищем европейских войн, регулярно разоряемые захватническими армиями, и польский народ, который в сердце Европы и на глазах Европы грабили захватчики и оккупанты, заслуживают особого отношения. Это мнение разделяли многие иностранцы. Когда и до какой степени вопрос независимости Польши был делом Европы? Во французском языке

²¹ Цит. по: Maria Janion, M. Żmigrodzka, *Romantyzm i historia*, Warszawa 1978, s. 469.

²² Ср. P. Léautaud, *Journal Littéraire*, Paris 1958–1964.

²³ E. Berl, *Interrogatoire par Patrick Modiano*, Paris 1976, p. 81.

неслучайно закрепилось выражение „Pologne martyre” – «мученическая Польша». Так кем же были поляки в течение последних двух столетий – жертвой разделов, оккупации и войн или виновниками не только собственных несчастий, но и несчастий европейского континента? Возрождающимся из пепла Фениксом свободы, как патетически выражались наши предки? «Рыцарями» или «стихийным бедствием» Европы? Погорельцами или поджигателями? Или же – и тем, и другим?

С польского перевела А. Миркес